

**Abstract**

*Zoz Y.A. A dialogical text linear-informative plane temporal organization.*

*One of the most important problems, solved nowadays by text linguistics, psycholinguistics and theory of communication, turns out to be working out rules of adequate information narration in a text form.*

*At that, two planes – level (structural-semantic) and linear-informative – should be distinguished within a text structure. The structural-semantic units as the bearers of contentive and temporal programmes of a verbal text appear to be syntagma, phrase and supra-phrasal unity. Phrase is a unit of upper level of contentive and temporal text programmes. Structurally, the main distinctive marker of phrase is its intonational autonomy, since, semantically, – it is its interrelation with a complete thought-statement. The minimal context for phrase is regarded to be a more complicated unit – supra-phrasal unit.*

*Hence, the article is devoted to the investigation of the regularities of the linear-informative text units temporal correlation. The article deals with the linear structure peculiarities of the factual information in a dialogical text, duration of its linear-informative units and the character of temporal correlation of the linear-informative units of different levels. The research has revealed that the factual information in a dialogical text is prosodically organized due to the invariant correlation of the structural-semantic and linear-informative text units.*

*Key words: linear-informative unit, factual information, duration, pausation, temporal correlation.*

**В. А. Косова**

**Прешов. Словакия**

УДК 811.161.1

## **ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ФОРМЫ ИХ СИСТЕМНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ**

Одной из ярких особенностей современной антропоцентрически ориентированной лингвистики является повышенный интерес исследователей к языковым категориям разного типа, которые рассматриваются как инструмент и одновременно как результат языкового конструирования мира. Категорией в языкознании принято называть в строгом смысле «некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного

признака»; метонимический перенос послужил основой для развития у этого термина ещё одного значения, получившего широкое распространение: это «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства» [2, с. 215]. Настоящая статья посвящена ономаσιологической категории – уточнению содержания и объёма понятия, анализу некоторых сложностей выделения и интерпретации ономаσιологических категорий русского языка, а также проблеме разграничения форм их реализации.

Учение об ономаσιологических категориях зарождается в середине XX в. в связи с продуктивным развитием нового направления языкознания – ономаσιологии. В «Тезисах Пражского лингвистического кружка» разработано положение о том, что слово с точки зрения назывной функции является результатом номинативной деятельности языка, которая осуществляет классификацию в процессах познания и обеспечивает создание системы номинации конкретного языка [16]. Классы языковых единиц, объединённых общностью номинативной функции, названы М. Докулилом ономаσιологическими категориями. Обоснование ономаσιологической категории, по утверждению учёного, призвано помочь в поисках ответа на вопрос, «как наше мышление расчленяет различные понятия, чтобы выразить их категориальными средствами языка» [4, с. 200]. За исходную рамку ономаσιологических категорий принимаются понятийные категории, определяющие разграничение всех языковых номинативных знаков, начиная с частеречного уровня: «Явление, которое должно быть названо, всегда включается в определённый понятийный класс <...> а затем в рамках этого класса оно определяется некоторым признаком; понятийный класс входит в ономаσιологическую структуру понятия как определяемое (ономаσιологический базис), а признак как определяющее (ономаσιологический признак)» [4, с. 196].

В современной лингвистике ономаσιологические категории, рассматриваемые как «дискретизированные информационные блоки» [10], считаются ключевым объектом теории номинации в ракурсе проблемы категоризации всего пространства картины мира. Вместе с тем, по заключению

исследователей, «такой основной элемент парадигмы когнитивно ориентированного научного знания, как ономасиологические категории, все ещё не стал в должной мере предметом систематических описаний» [12, с. 30]. Возможно, что отчасти это объясняется недостаточной определённой самого понятия «ономасиологическая категория», которое продолжает оставаться в числе «наименее разработанных теоретически и описанных эмпирически» [14, с. 22]. В его осмыслении существует довольно много разногласий, и мы укажем на некоторые из них.

Прежде всего, расходятся мнения лингвистов об уровне обобщения внеязыковых смыслов, подводимых под данное понятие. Так, в процитированной выше работе грамматические категории «существительное», «прилагательное», «глагол» и коррелирующие с ними ономасиологические категории «предмет», «признак», «действие» рассмотрены как соположенные: они «представляют собой самый высокий уровень обобщения в языке» и противопоставлены по этому признаку словообразовательным категориям [14, с. 23]. Однако основоположник теории ономасиологических категорий М. Докулил писал буквально следующее: «Точно так же необходимо отличать грамматическую категорию от чисто смысловых категорий, абстрагирующих смысловой элемент лексических, словообразовательных, грамматических или смешанных категорий данного языка, и, следовательно, имеющих обобщенное значение этих категорий» [3, с. 9]. В монографии Е. С. Кубряковой «Части речи в ономасиологическом освещении» изложены доказательства того, что именно общие ономасиологические категории (предметности, признаковости, процессуальности) легли в основу формирующихся частей речи, поскольку «были близки самой «физике мира» и совпадали с категориями натуральной логики познания мира <...> адекватно отражали природу вещей» [9, с. 26–27]. Таким образом, ономасиологические смыслы должны быть признаны наиболее высоким уровнем языковой категоризации, а ономасиологическая категория – той разновидностью категории семантической, которая выделена по номинативной функции её единиц.

Кроме того, исследователи по-разному понимают принцип общности номинативной функции, положенный в основу вычленения ономазиологических категорий. В классическом смысле речь идёт об объединении в одну категорию единиц с общим ядром в их номинативной (ономазиологической) структуре. Своеобразна позиция по этому вопросу болгарского лингвиста Д. Митева: прямо квалифицируя категорию возраста как ономазиологическую, он заявляет вместе с тем, что лежащий в основе её выделения номинатив **возраст** – «языковой знак к о н ц е п т а, а не к а т е г о р и и; он служит (в силу своей высшей степени обобщения) лишь условным п р е д с т а в и т е л е м (разрядка Д. Митева. – *В.К.*) категории возраста». По утверждению учёного, «главным признаком объединения единиц весьма сложного по структуре номинационного (ономазиологического) поля является то, что своей внутренней формой все разнородные по характеру обозначаемого, разнообразные по строению и грамматической форме единицы выражают (прямо или косвенно) возрастную характеристику, и, тем самым, общую «идею» возраста» [11]. В соответствии с этим единицами категории возраста признаются самые разнообразные лексические и раздельнооформленные наименования, в семантике которых отражён признак возраста: *ясельник, долгожитель, прогнившее корыто, семилетний, постариковски, дубочек* и т. п.

Д. Митев приходит к выводу, что данная категория «имеет не номинационные, а классификационные функции» [11]. Однако применима ли к подобной совокупности разноструктурных номинативных единиц, относящихся к разным частям речи, квалификация «ономазиологическая категория»? На наш взгляд, речь должна идти о лексико-семантических и фразеологических средствах реализации когнитивной (понятийной, смысловой) категории, сформировавшейся на основе концепта «возраст» (показателен в этом плане отвергнутый автором термин М. Пенчевой «семантическая константа», а также альтернативная квалификация, используемая в работе, – «мыслительно-языковая категория»).

Задаваясь вопросом о том, почему современные исследования, в которых феномен ономаσιологической категории получает теоретическое осмысление, исчисляются в буквальном смысле единицами, выскажем предположение, что отчасти это объясняется глубоким расхождением в характере, средствах и способах выражения категориальных номинативных значений – формализованных или не имеющих типовой формы выражения, абстрактных или конкретных и т. п. Общее в этом случае ускользает от взгляда лингвистов, внимание которых сосредоточено на анализе частных проявлений этого общего (в качестве аналогии напомним об истории развития понятий «словообразовательная категория» и «словообразовательный тип»: второе, будучи более конкретным и потому более явным, намного превзошло словообразовательную категорию по полноте и степени изученности).

Можно утверждать, что на всём протяжении своего развития теория номинации опирается на разработанную М. Докулилом типологию ономаσιологических категорий, созданную с учётом перечисленных различительных параметров и получившую в языкознании статус хрестоматийной. Учёный считал возможным говорить о лексической категории в том случае, «когда обобщённое, но неформализованное значение – независимо от низкого или высокого уровня абстракции – базируется лишь на лексико-семантических признаках ряда слов»; у словообразовательной категории «определённые обобщённые структуры выражаются средствами морфологическими, прежде всего словообразовательными аффиксами»; оба типа необходимо отличать от смешанных лексико-словообразовательных категорий, «включающих в себя ряды слов, в которых категориальный семантический признак хотя и основывается на словообразовательной форме слов, но охватывает и слова без соответствующей словообразовательной структуры» [3, с. 9]. Названным типам категорий противопоставлены по степени и качеству абстракции категории грамматические: у этих категорий «мы никогда не встречаемся лишь с простым более или менее широким обобщением лексических значений; грамматические категории лишь строятся на лексических значениях, но отвлекаются от них» [4, с. 193].

Разграничение выделенных М. Докулилом форм субкатегоризации ономаσιологических категорий, при кажущейся очевидности его оснований, сопровождается на практике множеством трудностей теоретического и практического характера. Обозначим наиболее явные из них, сделав основной акцент на проблемах выделения и обособления словообразовательной категории, интересующей нас в наибольшей степени. Обладая несомненно высокой системно-языковой значимостью, эта категория по-прежнему остаётся наименее изученной из названных «чистых» форм реализации ономаσιологических категорий, несмотря на яркую вспышку научного интереса к этому языковому феномену в последней четверти XX – начале XXI веков (подробнее об этом см. в нашей статье [6]).

Можно констатировать, что в лингвистике до сих пор нет полной ясности по вопросу о характере взаимосвязи ономаσιологической и словообразовательной категорий, что затрудняет осмысление этих понятий. Спорным и порождающим противоречия является вопрос о том, все ли словообразовательные категории русского языка имеют ономаσιологическую (номинативную) природу. Показательно двойственное отношение к этой проблеме автора известной статьи о свойствах ономаσιологической категории О. В. Раевской. Указывая на общность ономаσιологических и словообразовательных категорий, которая проявляется именно в том, что «у всех словообразовательных категорий могут быть обнаружены те или иные соответствия среди ономаσιологических категорий» [14, с. 24], исследователь оговаривает далее иной случай: «Если же суффикс является ономаσιологическим признаком, как это бывает, например, при уменьшительно-увеличительной, т. е. модификационной суффиксации, то соответствующая словообразовательная категория (уменьшительности или увеличительности), очевидно, не имеет соответствий среди ономаσιологических категорий» [14, с. 25]. Апелляция к языковому материалу, таким образом, заставляет учёного пересмотреть собственный тезис о единой ономаσιологической природе всех словообразовательных категорий, обозначив тем самым проблемную зону исследования.

Кроме того, не всякая совокупность производных слов как проекция некой ономаσιологической категории соответствует представлениям о словообразовательной категориальности. Так, например, к ономаσιологической категории локативности в диссертационном исследовании Е. К. Савиновой отнесены семантически разнообразные производные наименования, объединённые локативным способом их мотивации (*на-морд-ник* – нечто на морде, *при-губ-ить* – поднести к губам) [15, с. 3]. Те наименования мест, мотив обозначения которых не является локативным («*косогор*», «*Белгород*»), в данной работе локативными не считаются. Для такого понимания сущности ономаσιологической категории характерен, как видим, учёт общности ономаσιологического признака в семантической структуре дериватов при безразличии к ономаσιологическому базису, что отличается от докулиловской трактовки ономаσιологической словообразовательной категории (слова типа *пригубить* и *намордник* не являются обозначениями мест). При явной деривационной ориентации этого исследования его объект находится, таким образом, за рамками представлений о собственно словообразовательной категориальности.

Вопрос о разграничении словообразовательных и грамматических категорий долгое время оставался в языкознании одним из наиболее спорных; нельзя считать его окончательно решённым и сейчас. Квинтэссенцией трудностей, связанных с попытками его решения, является проблема квалификации статуса уменьшительных имён, ср. известный факт отнесения их к сфере формообразования в концепции Л. В. Щербы: «... *трубочка* может называться уменьшительной формой слова *трубка* в определённых значениях» [18, с. 54]. Противопоставляя эти единицы словообразовательной паре *труба* – *трубач*, Щерба акцентирует внимание на существенных различиях в предметном (денотативном) соответствии слов в этих парах, рассматривая эти различия как основания для разграничения словообразования и формообразования.

В настоящее время эта позиция, в целом уступившая место словообразовательной интерпретации уменьшительных имён, сохранила, тем

не менее, своих приверженцев. Т. Ф. Ефремова, в частности, развёртывая в предисловии к «Толковому словарю словообразовательных единиц русского языка» теоретические основы его построения, причисляет к формообразовательным категориям уменьшительные, увеличительные, уничижительные суффиксальные образования имён существительных, уменьшительные образования имён прилагательных и качественных наречий, а также образования с усилительными, количественными префиксами типа *наи-*, *пре-* [5, с. 8].

Между тем грамматическая трактовка словообразования всё более явно теряет актуальность по причине несоответствия современным представлениям о «грамматичности» языковых явлений. Главным показателем грамматичности значения языковых единиц признано свойство обязательности выражения этого значения, понимаемое в системно-языковом аспекте как обязательность того или иного значения для данного грамматического класса, а в речевом аспекте – как «существующая для говорящего в процессе речи обязательность выбора одного из противопоставленных друг другу категориальных значений (и, соответственно, выбора формы)» [1, с. 241]. Обозначенный принцип лёг в основу разграничения формально выражаемых ономаσιологических категорий с учётом характера их реализации. О грамматическом характере категории говорят в том случае, если её реализация обязательна для всех единиц данного ономаσιологического класса, о неграмматическом (у словообразовательных или лексико-словообразовательных категорий) – при необязательном (вероятностном, возможном, случайном) характере реализации.

Однако продуктивность и регулярность реализации целого ряда деривационных по своей природе значений в русском языке даёт возможность для альтернативных или же амбивалентных интерпретаций их лингвистической сущности. Так, например, осмысливая природу отглагольных существительных типа *ход* и *лёт*, В. И. Теркулов выдвигает требование «отказаться от придуманной и абсолютно неприемлемой трактовки семантики deverbativa как семантики опредмеченного действия и констатировать возможность обозначения существительным чистого действия, вернее, лингвального

процесса, а во-вторых, определить процесс образования отглагольных имён не как деривацию, а как формообразование» [17, с. 98].

Мысль о нежёсткости границы между грамматическими и неграмматическими явлениями, а также о существовании между ними обширных переходных зон последовательно развивается в работах В. А. Плунгяна. Понимание «грамматичности» рассматривается учёным как постоянно приобретаемое в ходе эволюции свойство языковых единиц; при этом грамматические показатели могут противопоставляться как более или менее обязательные. Актантная деривация при таком видении проблемы занимает место между словоизменением как ядром грамматической зоны и словообразованием [13, с. 13–17]. Нам более близка разграничительная позиция по этому вопросу А. В. Бондарко, согласно которой «формообразование и словообразование оказываются не взаимоисключающими, а частично накладывающимися друг на друга понятиями. Зоны формообразования и словообразования пересекаются, образуя общий сегмент, в котором представлено как то, так и другое явление (без смешения)» [1, с. 209].

Лексические категории отграничиваются от словообразовательных довольно явно, поскольку они являются прямыми проекциями основных ономаσιологических категорий в область собственно лексической семантики и устанавливаются без какой бы то ни было ориентации на формальные критерии. В их состав наравне с непроизводными могут включаться, на основе общности категориально-лексической семы, также производные слова. Эта сема в формально-деривационной структуре подобных дериватов не отражена (ср.: универбат *утренник* в составе лексико-семантической группы явлений природы обозначает «утренний мороз», т. е. формальное выражение здесь получила лишь частеречная предметная сема).

Словообразовательные категории объединяют лексемы с общим деривационным значением, причём некоторые из таких категорий являются одновременно частью смешанных – лексико-словообразовательных категорий. Подобные объединения включают в свой состав, помимо структурирующей категорию производной лексики с типовым значением, непроизводные слова с

идентичной семантической структурой. Разграничение словообразовательных и лексико-словообразовательных категорий осуществляется, таким образом, с учётом их своеобразия по характеру коррелятивности единиц (подробнее об этом см. в нашей статье [7]). Проиллюстрируем этот тезис двумя частными примерами. Так, категория наименований незрелого животного носит в современном русском языке последовательно-коррелятивный, т. е. словообразовательный характер, ср.: *медведь – медвежонок, утка – утёнок, уж – ужонок* и т. п. (супплетивные корреляции типа *корова – телёнок, собака – щенок* здесь единичны). Ономаσιологическая категория локативности получила в русском языке, напротив, непоследовательно-коррелятивную, т. е. лексико-словообразовательную реализацию, ср.: *пристать (о судах) – пристань*, но также *порт; раздеваться – раздевалка (разг.)*, но также *гардероб* и т. п.

На разнообразие и сложность связей словообразовательных категорий с разными лексическими объединениями справедливо указывал М. Докулил: «Словообразовательные категории, с одной стороны, всегда включают определённые лексико-семантические классы; с другой стороны, они сами содержатся в более общих лексико-семантических категориях» [4, с. 193]. Границы между категориями разных типов зыбки и исторически изменчивы, однако совокупность их реализаций образует на каждом синхронном языковом срезе целостную и вполне устойчивую систему номинативных единиц и моделей их функционирования. Описание номинативной системы современного русского языка сквозь призму её категориальной организации – актуальная, очень трудоёмкая и весьма непростая в методологическом и методическом аспектах задача будущих ономаσιологических исследований.

В заключение подчеркнём важность корректного разграничения и глубокого анализа каждой из названных форм реализации ономаσιологических категорий в русском языке с позиций когнитивного подхода. Будучи одновременно инструментом и результатом обработки информации, получаемой человеком при взаимодействии с внешней средой, ономаσιологические категории формируются под воздействием как внешних, так и внутриязыковых факторов. Собственно лингвистический фактор, а

именно наличие в языковой системе формальных средств выражения категориальных смыслов, лежит в основе наиболее существенного отличия в когнитивном аспекте лексических категорий от грамматических и словообразовательных. Лексические категории базируются на имплицитных семантических связях и являются проекциями весьма разнообразных отношений между практически неисчислимыми реалиями действительности. Лексико-семантическая категоризация носит, таким образом, не собственно языковой, отражательный характер. Впрочем, названное свойство лексики нельзя абсолютизировать, поскольку это привело бы к умалению её роли в выражении языковой картины мира.

Вместе с тем наиболее типичные и важные для данного национально-языкового коллектива связи между объектами внешнего мира, преломлённые в сознании носителей языка, получают формальное выражение и системное закрепление в рамках грамматических и словообразовательных категорий, которые правомерно рассматривать как модели собственно языкового представления и интерпретации фрагментов внеязыкового универсума и связей между ними. Словообразовательным категориям в этом плане принадлежит особая роль: они представляют собой совокупность производных слов, объединённых общностью словообразовательного значения и типовых форм его выражения, тогда как, по убеждению Е. С. Кубряковой, «именно корреляции формы и содержания в каждой модели производного слова обладают когнитивной значимостью» [8, с. 79]. Углубление знаний о словообразовательных категориях, таким образом, перспективно, поскольку оно позволяет установить вклад ономаσιологических категорий данного типа в стратификацию номинативной сферы русского языка, открывая тем самым новые возможности для исследования русского менталитета.

### Литература

1. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики : На материале русского языка / А. В. Бондарко. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

2. Булыгина Т. В. Категория / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 215–216.
3. Докулил М. К вопросу о морфологической категории / М. Докулил // Вопросы языкознания. – 1967. – № 6. – С. 3–16.
4. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov, I / M. Dokulil. – Pr. : Academia, 1962. – 263 s.
5. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка : ок. 1900 словообразов. единиц / Т. Ф. Ефремова. – [2-е изд., испр.]. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 636 с.
6. Косова В. А. Словообразовательная категория : формирование понятия и основные направления исследования / В. А. Косова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152, кн. 6. – С. 199–212.
7. Косова В. А. Характер коррелятивности единиц словообразовательной категории / В. А. Косова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – Режим доступа : <http://www.science-education.ru/111-10731>.
8. Кубрякова Е. С. О когнитивном подходе к производному слову / Е. С. Кубрякова // Славистика : синхрония и диахрония : сб. науч. ст. к 70-летию И. С. Улуханова. – М. : Азбуковник, 2006. – С. 77–83.
9. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – [3-е изд.]. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 120 с.
10. Лещак О. В. Онтологические проблемы ономаσιологии и категориальная типологизация семантического пространства языкового опыта / О. В. Лещак // Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego. – Kielce, 2009. – Tom XVIII. – S. 179–195.
11. Митев Д. К вопросу о сущности категории возраста и специфике ее внутренней организации (на материале русского языка) / Д. Митев // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Выпуск 2. – Шумен : Унив. изд-во «Еп. Константин Преславски», 2003. – С. 23–53.

12. Митев Д. Особенности словообразования в аспекте языковой номинации / Д. Митев // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. – Шумен, 2002. – Режим доступа : [www.russian.slavica.org/article139.html](http://www.russian.slavica.org/article139.html).

13. Плунгян В. А. Грамматические категории, их аналоги и заместители : автореф. дисс. ... на соискание уч. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 „Теория языка” / В. А. Плунгян. – Москва, 1998. – 48 с.

14. Раевская О. В. К вопросу об ономаσιологических категориях / О. В. Раевская // Филологические науки. – 1999. – № 1. – С. 22–28.

15. Савинова Е. К. Ономаσιологическая категория локативности и ее отражение в производных наименованиях : автореф. дисс. ... на соискание уч. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.19 „Теория языка” / Е. К. Савинова. – Москва, 1989. – 20 с.

16. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок : Сборник статей / [Сост., ред., предисл. Н. А. Кондрашова]. – М. : Прогресс, 1967. – С. 17–41.

17. Теркулов В. И. Альтернативный путь исследования концепта и дискурса / В. И. Теркулов // Концепт и дискурс : коллективная монография / [отв. соред. Г. Н. Кенжебалина, М. В. Пименова]. – Павлодар – Кемерово – Киев – Витебск : Кереку, 2012. – С. 87–104.

18. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.

#### ***Аннотация***

*Косова В.А. Ономаσιологические категории и формы их системной реализации.*

*Сообщение посвящено ономаσιологической категории и носит теоретический характер. В дискуссионном ключе рассмотрены некоторые сложности выделения и интерпретации ономаσιологических категорий русского языка; подробно проанализирована проблема разграничения форм их реализации. Особый акцент сделан на словообразовательной категории ввиду её высокой системной и когнитивной значимости.*

*Ключевые слова: ономаσιологические категории, словообразовательная категория.*

### **Анотація**

*Косова В.О. Ономасіологічні категорії та форми їхньої системної реалізації. Доповідь присвячена ономасіологічній категорії та має теоретичний характер.*

*У дискусійному аспекті розглянуті деякі труднощі вияву та інтерпретації ономасіологічних категорій російської мови; детально проаналізовано проблему розмежування форм їхньої реалізації. Закцентовано особливу увагу на словотвірній категорії з огляду на її системну та когнітивну значимість.*

*Ключові слова: ономасіологічні категорії, словотвірна категорія.*

### **Abstract**

*Kosova V.A. Onomasiological categories and the forms of their system realization.*

*The term onomasiology means “name”. An onomasiological approach to word formation encompasses several basic models whose common feature is procedure from concept / meaning to form. The onomasiological framework is cognitive, relating word formation to conceptual thinking. The conceptual level establishes a link between the extralinguistic and linguistic levels of the naming process.*

*In the short history of onomasiological research in word formation, three main approaches have emerged. One of them is based on Dokulil’s ideas; the second strictly separates the conceptual / semantic and the formal levels; according to the third approach, any theory of word formation is a byproduct of more broadly based onomasiological research into lexical semantics.*

*As a result, the article is devoted to onomasiological category and has a theoretical nature. Some difficulties of selection and interpretation of onomasiological categories of the Russian language are viewed in a speculative manner, and the problem of differentiating the forms of their realization is analyzed in detail. The author lays an emphasis on the category of word formation due to its high systemic and cognitive significance.*

*Key words: onomasiological categories, word-formative category.*